

УДК 342.7

Права и свободы человека и гражданина в России: трудности исторического пути становления

Рыбак Светлана Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Российская таможенная академия (Ростовский филиал),
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, просп. Буденновский, 20;
e-mail: Svetoch_2504@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются актуальные проблемы становления института прав и свобод человека и гражданина в России, традиционно представляющие интерес для российской юридической науки и практики. Права и свободы человека и гражданина рассматриваются в контексте правовой культуры россиян, обладающей ярко выраженной национальной самобытностью (поглощение личности миром, коллективное сознание и др.). Выявлены эволюционные изменения во взглядах отечественного законодателя в исследуемой проблематике: от практически полного игнорирования прав и свобод человека и подданного (гражданина) до их признания в качестве высшей ценности. Проведен анализ причин состояния дел в вопросах обеспечения прав и свобод человека и гражданина в современных условиях, и предложены пути выхода из сложившейся ситуации.

Для цитирования в научных исследованиях

Рыбак С.В. Права и свободы человека и гражданина в России: трудности исторического пути становления // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 10А. С. 72-80.

Ключевые слова

Права и свободы, человек и гражданин, обеспечение, конституция, правовая культура.

Введение

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в современной России крайне затруднено социально-экономической ситуацией, незащищенностью прав и свобод граждан, разгулом преступности и коррупции, которые определяют кризисную ситуацию в обществе. Явно не благоприятствует и сложившаяся международная обстановка.

Отечественные правоведы неоднократно указывали на необходимость совершенствования законодателем механизма, который призван обеспечить реальность провозглашенных в Конституции РФ прав и свобод, которые могут быть реализованы только в рамках конкретных процедур и механизмов, так как одного лишь провозглашения и закрепления всего комплекса основных прав и свобод человека и гражданина недостаточно для подлинно демократического государства.

В последние десятилетия развития российского общества исследуемая проблема, традиционно имеющая высокую степень актуальности, стала одной из центральных, вызывающих пристальное внимание со стороны как государственных, так и общественных структур. Актуализация этого направления в отечественной юридической науке и в деятельности органов государственной власти обусловлена, прежде всего, трудностями процесса реформирования российского общества, которые должны быть адекватно восприняты в сознании людей. С другой стороны, данная проблема востребована обществом, негативный фон поведения которого заставляет задуматься о некоторых неутешительных перспективах дальнейшего развития. Известный отечественный историк права, профессор П.Г. Виноградов в связи с этим указывал на то обстоятельство, что «...слишком порочной может оказаться моральная летаргия общества и слишком дряхлой, и испорченной его политическая организация для того, чтобы были возможны радикальные перемены» [Цит. по: Исаев, 2009, 73].

Права и свободы человека и гражданина выступают в качестве неотъемлемой составляющей правовой культуры россиян, уровень которой существенно понизился за последние годы, и тому есть соответствующие причины. В настоящее время, в условиях наблюдающейся нестабильности российского общества, происходящие системные изменения в его государственной и правовой жизни, а также внутренние противоречия активизировали деструктивное воздействие на правосознание и правовую культуру россиян. В связи с этим выбор стратегии на личностно ориентированное общество во многом будет зависеть от совместных усилий государства и гражданского общества в данном направлении.

Целью данной статьи является попытка комплексного исследования пути становления и развития института прав и свобод человека и гражданина в контексте состояния российского общества, отражающего особенности правовой культуры россиян. Представляется, что подобная постановка вопроса в настоящее время наиболее существенным образом обуславливает востребованность концептуального переосмысления ценностей утилитаризма, что требует в нынешних условиях поиска наиболее оптимальной модели института прав и свобод человека и гражданина, что, по мнению автора, вполне соответствует складывающимся реалиям и всесторонне отражает идеи формирования в России правового государства и гражданского общества.

В соответствии с международными стандартами в области прав и свобод человека Конституция Российской Федерации 1993 г. установила в ст. 2 в качестве наивысшей ценности для государства права и свободы человека и гражданина, без надлежащего обеспечения которых остальные аналогичные положения превращаются в обычную декларацию.

Основная часть

Происходящее в обществе сегодня коренится в прошлом нашей страны. Прошедшее, как писал В.О. Ключевский, нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий [Ключевский, 1993, 15-16]. Мы пытаемся соотнести минувшее с настоящим, чтобы глубже понять природу явлений. По словам С.Е. Хоймана, «...успех в этом процессе зависит от нашего умения воспользоваться уроками истории, так как в наши дни оказалось, что мы находились и продолжаем находиться в информационном вакууме» [Хойман, 1991, 122].

Права и свободы человека и гражданина, равно как и проблема их обеспечения, для большей части российских подданных еще в начале XIX в. оставались не познанными и невероятно теоретизированными и далекими от практики. Категория прав и свобод человека длительное время в России оставалась достоянием ученых, писателей, публицистов, прогрессивно мыслящих людей и была представлена в творчестве Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, В.С. Соловьева и многих других, кто настоятельно требовал расширения прав и увеличения их субъектов.

В разработку проблемы гражданских и политических прав человека и гражданина в России внесли свой вклад выдающиеся отечественные правоведы, такие как А.Д. Градовский, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, С.М. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и многие другие. Все они ратовали за необходимость построения правового демократического государства, которое могло бы на деле гарантировать права и свободы граждан (подданных). При этом, по мнению Б.Н. Чичерина, гарантиями гражданских прав являются твердые законы, независимый суд, монарх, «взаимное ограничение властей». И хотя гарантии возможны и без политической свободы, последняя дает им высшее обеспечение [Чичерин, 1882, ч. 1, 19]. Нарушение же прав становится неизбежным в том случае, если в государстве отсутствуют надлежащие законы, соответствующие «духу права» (принципам), разумные ограничения государственной власти, не принимаются во внимание историко-культурные и политические особенности страны.

Правовой статус российских подданных определялся их социальным положением, а потому сложившаяся сословная организация юридически закрепляла права и обязанности соответствующих сословий [Хойман, 1991, 123-124], включенных в Свод законов Российской империи. Именно поэтому малейшее изменение в политической и правовой организации страны неизбежно привело бы к радикальному пересмотру системы взаимоотношений между государством и личностью.

Коллективизм как основа российской (а в последующие времена и советской) государственности и как неотъемлемый принцип жизни русского народа наложил отпечаток на специфику национального правосознания. Личность полностью поглощалась миром, а общезначимыми являлись только общинные (общественные) интересы. При этом личное же право отрицалось [Семитко, 1992, 108].

«Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им, как силе. Полное неравенство перед судом, – считал А.И. Герцена, – убило в нем всякое уважение к законности» [Герцен, 1950, т. 7, 251]. Кроме того, российский законодатель традиционно ориентировался на защиту государства (власти), а не на защиту отдельной личности, права которой, невзирая на всю свою значимость для населения страны,

тем не менее не обладали серьезной поддержкой ни одного из российских сословий [Петров, 2003, 14]. Вот такой исторический парадокс.

Решительным, по факту революционным изменением в данном направлении следует считать судебную-правовую реформу 1864 г., основными итогами которой стали ликвидация экстраординарных судилищ, несменяемость судей, гласность судебного процесса, суд присяжных, установление всеобщей правоспособности с некоторыми изъятиями (обретение личностью целого ряда процессуальных гарантий, укрепление института притязания), система гарантий, сильная адвокатура. При этом следует отметить, что исследователи истории российской адвокатуры зачастую указывают на ее политический характер и рассматривают адвокатуру как скрытую либеральную оппозицию царскому режиму, что подтверждается многочисленными фактами участия адвокатов в громких политических процессах того времени.

Одной из существенной гарантией обеспечения прав и свобод российских подданных явилось закрепление еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «должностного превышения власти» в качестве самостоятельного состава преступления. Уголовно наказуемым признавалось виновное совершение должностным лицом действий по службе, на которое оно не было уполномочено ни законом, ни распоряжением органа власти. В качестве преступления рассматривалось и покушение на превышение власти.

Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., по словам М.Н. Гернета, являлся до некоторой степени Habeas Corpus российского гражданина [Гернет, 1904], определял правовой статус потерпевшего (ст.ст. 297-299, 301, 303 Устава уголовного судопроизводства). Однако, несмотря на существенные изменения, которые, безусловно, являлись шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим законодательством, проблема обеспечения прав и свобод подданных не была решена окончательно, и об их законодательных гарантиях говорили представители либеральной оппозиции в 1913-1914 гг. на заседаниях IV Государственной Думы [Багдасаров, 1995, 47].

Законодательное закрепление права и свободы российских подданных впервые получили в Манифесте 17 октября 1905 г., который многие поспешили назвать «первой российской конституцией». В частности, было закреплено само понятие гражданских и политических прав и свобод. Затем последовало принятие Основных государственных законов 1906 г., в которых гарантировались такие «основополагающие истины», как неприкосновенность личности и жилища, законность юридического преследования (ст.ст. 72-75), свобода совести, передвижения, выезда за границу и беспрепятственного возвращения, выбора места жительства. Профессор А.Ф. Кистяковский по этому поводу отмечал, что безопасность граждан включает в себя реальную возможность пользоваться всеми правами как естественного (право на жизнь, неприкосновенность тела и свободу), так и приобретенного (право на честь, имущество, исповедание известных убеждений) происхождения [Кистяковский, 1875, т. 1, 48-49].

Буржуазный характер развития России в начале XX в., как отмечает В.Ю. Багдасаров, «...внес существенные поправки в проблему прав и свобод подданных. Стали полагать, что личность обладает, в принципе, неограниченной правосубъектностью. Личную свободу стали рассматривать как священное право каждого человека распоряжаться своей личностью» [Багдасаров, 1995, 27].

Подводя своеобразные итоги предшествующим преобразованиям, глава российского правительства С.Ю. Витте отмечал, что в XX в. Россия стремилась к правовому строю, основанному на гражданских свободах [Витте, 1923, т. 2, 102]. Однако поступательный процесс становления института прав и свобод подданных (граждан) в России был существенно замедлен

событиями радикального характера (Первая мировая война и последующие революции), а с 20-х гг. – широкомасштабной репрессивной кампанией в отношении чуждых советскому государству и обществу партий и слоев населения, что символизировало разрыв с идеей прав и свобод человека и гражданина, и их реальной гарантированности.

С конца 20-х гг., несмотря на становление системы советских судов и появление новых кодексов, стала возрастать роль карательных органов, которая значительно усилилась к концу 30-х гг. С 1926 г. законодательством предусматривалась такая мера, как «поражение в правах», что означало лишение избирательных прав, права занимать определенные должности (государственные и в общественных организациях), на пенсию и т. д. Расширяется практика объявления врагом трудящихся и объявления вне закона, что влекло за собой расстрел через 24 часа после установления личности.

Органам ОГПУ предоставлялось право запрещать лицам, отбывшим наказание, обратный въезд в Москву и Московскую губернию. В 1928 г. было получено право ссылки в административном порядке лиц, отбывших срок в лагерях; внесудебные репрессии могли применяться к конокрадам, нищим, бродягам, хулиганам. Особо злостных преступников, неисправимых рецидивистов с 1929 г. разрешалось заключать в концлагерь сразу же после отбытия ими срока наказания без освобождения из-под стражи [Малыгин, 1994, 62-63].

В последующее время масштабы внесудебных репрессий еще более расширились. С 1929 г. стали работать «тройки» – судебные органы, рассматривающие в особом порядке дела политического характера, которые позже перешли в подчинение НКВД СССР. Подобная деформация судопроизводства привела к тому, что из него исчезли многие демократические положения, служившие гарантиями прав и свобод граждан (отсутствие защитника, права обжалования обвинительных приговоров; негласный характер судопроизводства; немедленное приведение приговора в исполнение). Существенной деформации подвергся принцип презумпции невиновности.

Конституция СССР 1936 г. гарантировала все зафиксированные в ней демократические права и свободы: статьи, провозглашавшие то или иное право, сопровождались ссылками на материальные гарантии. Основным законом был зафиксирован принцип неприкосновенности личности. В ст. 127 Конституции было закреплено положение относительно процедуры ареста, которая становилась возможной исключительно на основании постановления суда или санкции прокурора. С неприкосновенностью личности были связаны и неприкосновенность жилища, и тайна переписки, также впервые закрепленные в Советской Конституции 1936 г. (ст. 128). В соответствии со ст. 125 гарантировалась свобода совести, собраний, печати и др. Вместе с тем Конституция 1936 г. оговаривала возможность их использования «в соответствии с интересами трудящихся», что перечеркивало сам факт реального существования такого рода свобод, что и так было крайне затруднено в условиях существования тоталитарного режима.

Конституция 1977 г. в ст. 57 закрепляла положение об обязанности государства и представляющих его должностных лиц, общественных организаций уважать и охранять права и свободы граждан в качестве основополагающих. Провозглашенные в Конституции 1977 г. права и свободы человека и гражданина в целом соответствовали международным обязательствам, взятым на себя Советским Союзом (с учетом целого ряда оговорок, которые традиционно делал СССР при подписании основополагающих международных актов в области прав человека), в связи с чем гражданам предоставлялся внушительный перечень прав и свобод (в том числе и свобода слова, печати, совести и т. д.). Свое дальнейшее развитие получили принципы неприкосновенности личности и неприкосновенности жилища (ст. 56).

Предусматривалась возможность (ч. 2 ст. 58 Конституции СССР 1977 г.) судебного обжалования действий должностных лиц в случае превышения последними своих полномочий в части прав и свобод граждан. Однако вышеуказанное положение не располагало детализирующими его материальными нормами и процессуальными установлениями. Декларативный характер имела и значительная часть политических прав и свобод советских граждан. Тем самым права и свободы граждан оставались, как и прежде, производными от интересов общества и государства. Права и свободы предоставлялись гражданам властью, а не просто признавались за ними, приоритет отдавался социально-экономическим (с определенными изъятиями) и культурным правам и свободам.

С 80-х гг., несмотря на противоречивость данного периода, формируются новые подходы к проблемам законности, правопорядка, системе обеспечения прав и свобод граждан. Так, в мае 1981 г. Указом Президиума ВС СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», обосновывалось положение о необходимости возмещения обозначенного ущерба на общих основаниях независимо от вины должностного лица. Подлежали восстановлению любые нарушенные права, а также заработок и имущество.

В ходе осуществления судебно-правовой реформы начала 90-х гг. проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина приобрела наибольшую актуальность. Были предприняты определенные шаги по расширению юрисдикции суда по контролю за соблюдением режима законности всеми органами государственной власти и должностными лицами, включая те действия и решения, которые связаны с ограничением прав граждан на неприкосновенность жилища и личности, тайну переписки и различных сообщений; введены правила производства по уголовным делам с участием присяжных; расширены права обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) на защиту; реализованы акции по массовой реабилитации жертв произвола и беззакония и восстановлению прав репрессированных народов.

Особую значимость в этих условиях приобрела «Декларация прав и свобод человека и гражданина» 1991 г., положения которой вошли в текст Конституции Российской Федерации 1993 г., закрепившей права и свободы человека и гражданина на уровне современных международных стандартов (сформулированы основополагающие принципы реализации прав и свобод человека и гражданина; закреплены юридические средства их защиты и др.).

Вместе с тем приходится констатировать и определенные упущения в отношении обеспечения конституционно закрепленных прав и свобод человека и гражданина. В частности, не определен механизм реализации (кроме права гражданина обращаться в суд) гарантий защиты со стороны государства прав и свобод человека и гражданина. Отсутствует целостность в законодательной базе, направленной на защиту конкретных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Так, к примеру, в соответствии с п. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать и получать информацию любым законным способом. Вместе с тем соответствующая обязанность должностных лиц предоставлять своевременную и качественную информацию (но никак не формальные отписки, которыми в лучшем случае грешат наши чиновники), а также ответственность за несвоевременное или ненадлежащего качества предоставленную информацию и вовсе не установлены. Таким образом, одной из негативных тенденций в обеспечении прав и свобод граждан является ведомственное пренебрежение к закону, правам и свободам граждан.

Заключение

Российская политическая элита отстаивает в первую очередь свои собственные, зачастую сугубо меркантильные интересы и имиджевые стороны своего функционирования (бюрократизация, коррупция и др.), заботясь исключительно о своем благе, а не о благе народа вообще и отдельной личности, в частности. Сложности, возникшие в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в нашей стране, безусловно, зависят от совокупности причин, имеющих различную природу: исторических, политических, правовых, социально-экономических, нравственных и т. д. Однако главное заключается в том, что иметь практический смысл они будут лишь в случае признания их первостепенной значимости как обществом, так и государством.

Библиография

1. Багдасаров В.Ю. Права человека в российской правовой мысли второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 188 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Петроград, 1923. Т. 2. 518 с.
3. Гернет М.Н. Гарантии личной свободы и Устав уголовного судопроизводства // Вопросы права. 1904. № 48. С. 329.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений. М., 1950. Т. 7. 467 с.
5. Исаев И.А. Правовая культура России. М., 2009. 96 с.
6. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев, 1875. Т. 1. 892 с.
7. Ключевский В.О. Афоризмы, исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. 415 с.
8. Малыгин А.Я. Правоохранительная система периода проведения новой экономической политики // Труды Академии МВД РФ: проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 55-63.
9. Общая теория прав человека. М., 1996. 520 с.
10. Петров А.В. Эволюция идей о правах человека в Российской империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
11. Рыбак С.В. Отечественная государственно-правовая политика в сфере противодействия коррупции: историко-правовой аспект // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности». Белгород, 2017. С. 115-119.
12. Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108-113.
13. Хойман С.Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 121-127.
14. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1882. Ч. 1. 468 с.

The rights and freedoms of man and of the citizen in Russia: challenges of the historical way of development

Svetlana V. Rybak

PhD in Law, Docent,
Associate Professor at the Department of theory and history of state and law,
Russian Customs Academy (Rostov branch),
344002, 20 Budennovsky av., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: svetoch_2504@mail.ru

Svetlana V. Rybak

Abstract

The article considers the historical way of the formation and development of the rights and freedoms of man and the citizen that were in relative oblivion in Russia up to the middle of the 19th century. It explores the complex of reasons for this phenomenon: historical, political, socio-economic, legal, moral grounds, etc. In the conditions of the formation of the rule of law and civil society, the issues of ensuring the rights and freedoms of man and of the citizen are considered to be of paramount importance. The article analyses the reasons for this situation and proposes ways out of it. The author points out that the Russian political elite defend in the first place their own, often purely financial interests and image aspects of their functioning, caring only about their welfare, not about the welfare of the people in general and individuals in particular. The difficulties, encountered in ensuring the rights and freedoms of man and of the citizen in our country, depend on a combination of reasons that are different by nature: historical, political, legal, socio-economic, moral, etc. However, the main thing is that they will have some practical meaning only if their significance is recognised by both society and the state.

For citation

Rybak S.V. (2017) Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossii: trudnosti istoricheskogo puti stanovleniya [The rights and freedoms of man and of the citizen in Russia: challenges of the historical way of development]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(10A), pp. 72-80.

Keywords

Rights and freedoms, man and the citizen, ensuring, constitution, legal culture.

References

1. Bagdasarov V.Yu. (1995) *Prava cheloveka v rossiiskoi pravovoi mysli vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Doct. Diss.* [Human rights in the Russian legal thought of the second half of the 19th and early 20th centuries. Doct. Diss.] Moscow.
2. Chicherin B.N. (1882) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and the state], Part 1. Moscow.
3. Gernet M.N. (1904) Garantii lichnoi svobody i Ustav ugolovnoho sudoproizvodstva [Guarantees of personal freedom and the Regulations on criminal proceedings]. *Voprosy prava* [Issues of law], 48, p. 329.
4. Gertsen A.I. (1950) *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 7. Moscow.
5. Isaev I.A. (2009) *Pravovaya kul'tura Rossii* [Legal culture in Russia]. Moscow.
6. Khoiman S.E. (1991) Vzgl'yad na pravovuyu kul'turu predrevolyutsionnoi Rossii [A look at the legal culture of pre-revolutionary Russia]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and law], 1, pp. 121-127.
7. Kistyakovskii A.F. (1875) *Elementarnyi uchebnykh obshchego ugolovnoho prava. Chast' obshchaya* [An elementary textbook on general criminal law. The general part], Vol. 1. Kyiv.
8. Klyuchevskii V.O. (1993) *Aforizmy, istoricheskie portrety i etyudy. Dnevniky* [Aphorisms, historical portraits and sketches. Diaries]. Moscow.
9. Malygin A.Ya. (1994) Pravookhranitel'naya sistema perioda provedeniya novoi ekonomicheskoi politiki [The law enforcement system during the period of the New Economic Policy]. In: *Trudy Akademii MVD RF: problemy razvitiya pravookhranitel'nykh organov* [Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems of the development of law enforcement agencies]. Moscow, pp. 55-63.
10. *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [The general theory of human rights] (1996). Moscow.
11. Petrov A.V. (2003) *Evolyutsiya idei o pravakh cheloveka v Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX vv.). Doct. Diss. Abstract* [The evolution of ideas about human rights in the Russian Empire (from the 18th to the early 20th centuries). Doct. Diss. Abstract]. Volgograd.
12. Rybak S.V. (2017) Otechestvennaya gosudarstvenno-pravovaya politika v sfere protivodeistviya korruptsii: istoriko-pravovoi aspekt [The domestic legal policy in the sphere of corruption counteraction: a historico-legal aspect]. *Sbornik*

nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sovremennye problemy nauki, tekhnologii, innovatsionnoi deyatel'nosti" [Proc. Int. Conf. "Modern problems of science, technology, innovation"]. Belgorod, pp. 115-119.

13. Semitko A.P. (1992) *Russkaya pravovaya kul'tura: mifologicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie istoki i predposylki* [Russian legal culture: mythological and socio-economic origins and prerequisites]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 10, pp. 108-113.
14. Vitte S.Yu. (1923) *Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memories. The reign of Nicholas II], Vol. 2. Petrograd.